

Цинь Чаншэн сначала кивнула в знак согласия, а затем спросила: «Перед уходом Цзян Чжунсюэ сказала, что на обрыве горы Цзи, возможно, кто-то есть. Она хотела пойти туда со мной, но теперь она ушла, и я одна наверняка не смогу туда забраться. К тому же уже смеркается, да и слишком поспешный уход вызовет подозрения. Я планирую уйти завтра утром. Но что касается дела Юй Инь... раз условия изменились, значит, эта зацепка больше не работает. Мне теперь нужно искать другие пути?»

Она говорила слишком быстро, связь была неважной, с перерывами. Цинь Шифэн, послушав, переспросил: «Что? Повтори, пожалуйста».

Цинь Чаншэн пришлось терпеливо повторить всё снова, стараясь говорить медленнее. Похоже, на той стороне у Цинь Шифэна кто-то был; выслушав её, он мягко сказал: «Чаншэн, есть ли у тебя другие ниточки?»

Сжимая телефон, Цинь Чаншэн вдруг почувствовала тревожный спазм в груди. А в трубке тем временем звучал тихий голос Цинь Шифэна: «Чаншэн, если Цзян Чжунсюэ ушла... я говорю, если... то уезжай из этой деревни как можно скорее. Что касается других зацепок или того обрыва — я найду тебе нового помощника. Но в той деревне оставаться нельзя».

Цинь Чаншэн молча кивнула. С того конца донёлся приглушённый мужской голос. Цинь Шифэн, похоже, прикрыл трубку и бросил в сторону: «Да, действуйте без промедления».

Цинь Чаншэн безмолвно слушала его разговор с кем-то ещё, а через мгновение он снова вернулся к ней. Его голос в трубке прозвучал низко и серьёзно: «Чаншэн, будь осторожна во всём».

Цинь Чаншэн что-то промычала в ответ и, словно внезапно вспомнив, добавила: «Брат, и ты береги себя».

Но не успела она договорить, как связь прервалась.

Последние лучи заката заливали лес кроваво-алым светом.

Цинь Чаншэн сидела на балке, уставившись в потухший экран телефона. Внизу тётушка Чжан, покрикивая, загоняла кур в сарай, вытирала руки об фартук и крикнула ей: «Девонька, идём! Ужинать пора!»

Только тогда Цинь Чаншэн спрятала телефон и откликнулась: «Иду!»

Деревенская дорога была ухабистой, усыпанной щебнем, по краям росла незнакомая трава. Тётушка Чжан шагала впереди, болтая с Цинь Чаншэн о том о сём и время от времени перекидываясь приветствиями с односельчанами, копошившимися по хозяйству.

Всю дорогу она расспрашивала Цинь Чаншэн, в том числе и о той спутнице, что ушла.

Та отвечала рассеянно: «Она? Мы поссорились, вот она и ушла одна».

Тропинка вилась между холмов. Тётушка Чжан понимающе протянула: «А-а... Видела я, как она уходила, даже не попрощалась. Уж думала, не случилось ли чего».

Поначалу Цинь Чаншэн, ослеплённая яростью, и впрямь накричала на Цзян Чжунсюэ, чтобы та убиралась. Но она не ожидала, что та и вправду возьмёт да уйдёт — молча схватит свой чёрный зонт и исчезнет. Спустя некоторое время гнев сменился раскаянием. Цинь Чаншэн

было собралась, проглотив гордость, найти Цзян Чжунсюэ, извиниться и уговорить вернуться, но та уже растворилась в сумерках без следа.

Пришлось, скрепя сердце, звонить брату и докладывать о ситуации.

Думала, справлюсь сама, а в итоге снова отвлекаю его своими проблемами.

На душе у Цинь Чаншэн было и тоскливо, и досадно. Она кивнула и сказала: «Она такая, всё нормально».

Тётушка Чжан, успокоившись, согласно кивнула и, лучезарно улыбнувшись, спросила: «У вас в городе, поди, таких краёв нет?»

Цинь Чаншэн едва не рассмеялась. Тётушка Чжан была женщиной простой, но с замашками: любила похвастаться, всё норвила спросить, мол, а у вас в городе вот это хуже, да то не так. Занятие, честно говоря, дурацкое.

Но Цинь Чаншэн вежливо улыбнулась и с подчёркнутой, почти сердечной искренностью ответила: «Конечно нет! В городе и пейзажей таких нет, и воздух не такой свежий».

Вскоре они вышли к месту, где накрывали праздничные столы. По пути встречались неказистые низкие домики с хлевами, на дороге попадались мужики в крестьянской одежде, ведущие коров. Цинь Чаншэн шла следом за тётушкой Чжан и наблюдала, как та здоровается со всеми подряд, попутно представляя её: «Городская гостья, на экскурсию приехала!»

У самого пиршества народу было ещё больше. Многие подходили поздороваться с тётушкой Чжан, заодно с любопытством оглядывая Цинь Чаншэн.

Та закатала рукава и отправилась помогать на кухне. Цинь Чаншэн выбрала себе место за столом и уселась, не зная, куда деваться от скуки. Все вокруг были заняты делом, только на её скамье толпились детишки.

Несколько чумазных ребятишек в заплатанной одежде тыкали в её сторону пальцами. Цинь Чаншэн, заметив их робкие взгляды, нарочито достала телефон и принялась листать экран, который вспыхнул пёстрым сиянием.

Детское любопытство взяло верх. Малыши осторожно подобрались поближе. Один, с соплями до подбородка, так и норвил сунуть нос прямо в экран.

Тем временем начали подавать угощение — одно за другим, в основном постные блюда. Расставляя тарелки, тётушка Чжан улыбнулась Цинь Чаншэн и шлёпнула по затылку того самого сопливого малыша: «А ну пошёл отсюда! Глянь на себя — весь перемазался! Не мешай госте!»

Мальчишка надул губы, сопли вытянулись ещё длиннее, и он недовольно уставился на тётку Чжан. Та лишь усмехнулась и пошла дальше, разносить еду.

Тут ребёнок, не выдержав, буркнул ей вслед что-то вроде «старая развратница». Цинь Чаншэн аж вздрогнула. Она знала, что в бедных деревнях дети бывают сквернословыми, но чтобы до такой степени...

Не успела она до конца поразиться, как тот же малыш, шумно шмыгнув носом и с обидой на лице, заявил Цинь Чаншэн: «Это телефон! Я в такие играл!»

Цинь Чаншэн равнодушно промычала в ответ. Деревня хоть и бедная, но мужики на заработки ездят. Остаются в основном старики, бабы да ребятня — молодёжи почти не видно.

А раз есть те, кто уезжает, значит, на праздники они привозят из города разные диковинки. Телефон в городе — вещь обычная, да и в посёлках не редкость. Так что молодые парни вполне могли привезти с собой и телефон.

Но от пары телефонов самой деревне не легче. Даже если он есть, без связи и интернета — что толку?

Где дорог нет, там и прогрессу взяться неоткуда.

Видя, что Цинь Чаншэн не проявляет интереса, ребёнок почувствовал себя униженным. Он надул щёки и выпалил: «Я сегодня вот играл! У старосты такой есть! Я ещё слышал, как они по нему говорили, и там был чёрный пистолет!»

Раз староста пир закатил, могли и земляки из города нагряться. Цинь Чаншэн поначалу подумала, что это они и есть, но при слове «пистолет» внутри всё ёкнуло. Она сдержала тревогу, сохранила безмятежное выражение лица и с улыбкой спросила: «Пистолет? Водяной? Который водой стреляет?»

Малыш возмущённо всплеснул руками: «Нет! Настоящий! Который убивает! Я даже трогал его — тяжёлый! Староста меня отругал, сказал: «Пуля — дура, шальная», и прогнал».

У Цинь Чаншэн похолодело внутри, лицо на мгновение исказилось, но она тут же взяла себя в руки и, не теряя улыбки, спросила: «Настоящий пистолет? Ничего себе! А когда эти дяди с пистолетами приехали?»

Ребёнок насупился и явно не хотел продолжать. Цинь Чаншэн сняла с руки часы и протянула ему, соблазняя: «Расскажешь — отдам тебе эти часы. Смотри, они тикают, очень интересно!»

<http://bllate.org/book/16269/1464179>